

МЕНЯ НАЗЫВАЛИ СТАЛИНСКИМ КОМИССАРОМ

Тихон ХРЕННИКОВ:

«...А я ни одной песни о Сталине не написал.

Шостакович писал, Прокофьев, Блантер, Хачатурян...»

В шесть лет десятый ребенок в семье приказчика Николая Хренникова, Тихон, прочитал биографию Моцарта и дал себе клятву стать композитором. А в 22 года его Первая симфония уже звучала в Большом зале консерватории. Первая симфония стала для Хренникова настоящим звездным билетом. Ее сразу же включил в свой репертуар знаменитый американский дирижер Леопольд Стоковский. Но главное...

Марина НЕВЗОРОВА

— Мне позвонили домой и говорят: «Вас Немирович-Данченко приглашает на обед в Метрополь», он хочет заказать вам оперу». А я в жизни в ресторане не был. И надеюсь мне нечего. Вхожу, озираюсь по сторонам и вдруг вижу из-за стола встает Немирович-Данченко и идет мне навстречу: «Здравствуй, Тихон Николаевич!» Он в первый раз в жизни назвал меня по имени-отчеству. Представил своей супруге Екатерине Николаевне, баронессе Корф. Ей было тогда уже под восемьдесят. Владимир Иванович протягивает мне меню: «Выбирайте». Я похолодел, для меня все эти названия — китайская грамота. Говорю: «Закажите мне то же, что и себе». Сидим обедаем, Владимир Иванович говорит: «Я уезжаю в Швейцарию отдыхать, буду там читать, искать сюжет для оперы. И вы ищите». Представляете мое потрясение?! Работать с самим Немировичем-Данченко! Мы развлеклись: Данченко — в Швейцарию, я — в Елец. Перечитали кучу книг. Но ни он, ни я ничего не нашли. Через какое-то время Владимир Иванович позвонил: «Срочно прочитайте роман Николая Вирты «Одиночество». Я прочитал и пришел в восторг — то, что нужно. И началась работа. Каждый вечер ровно в шесть часов я с женой Кларой приходил в гости к Владимиру Ивановичу. Пили чай, ели волшебные пироги, приготовленные домработницей Василисой, я проигрывал новые музыкальные куски. Премьера прошла замечательно. А потом мою оперу разругали в пух и прах. Появилась статья «Большие идеи и маленькие чувства». В Союзе композиторов мое сочинение обсуждали три (!) дня. Мою музыку противопоставляли опере Сергея Прокофьева, Сергей Сергеевич сидел в зале. Потом подошел, пожал мне руку и сказал: «Меня тоже жутко ругали, когда я был в вашем возрасте». А спустя какое-то время на спектакль приехал Сталин. Немирович меня предупредил: «Никогда не уезжай, в ближайшие дни в театре будет Сталин». Но я по молодости и легкомыслию унесся в Киев — там тоже была премьера.

— И недоброжелатели смолкли?
— Конечно! Оперу начали ставить многие театры страны.
— Говорят, в кино вас пригласил сам Иван Пырьев.
— Да, примерно в это же время он предложил мне написать музыку к фильму «Свинарка и пастух». Мы заканчивали работу в первые дни войны. Москву бомбили, и я думал: «Какая свинарка, какой пастух? Кому это сейчас все нужно?» И вдруг в «Правде» появляется статья Алексея Толстого, в которой говорится, что это потрясающая картина, что ее надо всем показывать, что она — о нашей счастливой жизни, и люди сейчас умирают на фронте, защищая эту жизнь. Я обалдел совершенно. Вот так началась моя карьера в кино.
— И всенародная слава. Как вы ее переживали?
— Я никогда никак ее не переживал. Мне некогда было. Я работал, потому что для меня главное — писать музыку. Мне вообще иногда казалось, что это написал не я, а кто-то другой. И еще я всегда помнил слова своего отца, который, провожая меня в Москву, сказал: «Я не знаю, Тихон, что тебя там ждет, но запомни: никогда не переживай из-за неудач и не слишком радуйся победам. И второе: живи сам и давай жить другим».

— Тем не менее вы получили одну Сталинскую премию, вторую...

Я никогда не носил ни одного ордена. Даже звезду Героя Социалистического Труда не надевал. Все очень удивлялись: «Что ты ордена не носишь? Вон Сережа Михалков чуть ли не спит со своей звездой».

— Да у меня этих званий, орденов... Только Ленина четыре ордена, Сталинские премии, Ленинские и все, все на свете. Пять премий Государственных. Я никогда не носил ни одного ордена, ни одного знака отличия... Даже звезду Героя Социалистического Труда не надевал. Все очень удивлялись: «Что ты ордена не носишь? Вон Сережа Михалков чуть ли не спит со своей звездой».

— Но почему, Тихон Николаевич?
— Я вам скажу. Мне очень нравился Костя Симонов. Он был молодой, талантливый. Это было в 30-е годы. Он получил орден. И вдруг я заметил, что он этот орден не носит. Я подумал: «Вот молодец какой! Если я когда-нибудь что-нибудь получу, тоже никогда в жизни ничего не надеваю». Вот они у меня все здесь, в ящике, и лежат. Все мои знаки отличия.
— У вас была такая замечательная творческая жизнь, и вдруг вы становитесь главой Союза композиторов...

— Я никогда не занимался общественными делами. Я был никто. Писал музыку, и все. Я прилично играл на рояле и концертировал по всему миру. И вдруг мне звонят ночью: «Вам следует явиться в 11 часов в ЦК к Шепилову». Приезжаю, в приемной — Голованов, Хачатурян, Свешников. Я спрашиваю, зачем нас пригласили. А они сами ничего не знают. Первого вызвали Хачатуряна. Арам вышел весь красный, подошел ко мне: «Тихон, я тебя поздравляю» — «С чем?» — «Сейчас узнаешь». Стали всех приглашать по очереди, все выходят и меня поздравляют. Наконец захожу в кабинет, и красавец Шепилов (тот, который при Хрущеве стал «и примкнувший к ним Шепилов») протягивает мне листок: «Прочитайте решение товарища Сталина». Я читаю: на-

значить Хренникова генеральным секретарем, поручить в апреле месяце провести Первый съезд советских композиторов и создать композиторскую организацию. Я обалдел. В один момент я стал руководителем всей музыки Советского Союза! Я, который абсолютно не приспособлен к административным делам! Говорю Шепилову: «Я не справлюсь», а он мне ласково так: «Поможем, Тихон Николаевич, поможем». Я приехал домой, рассказываю все жене. Клара начала рыдать. Она испугалась за меня, а главное — была уверена, что пришел конец моей музыкальной карьере: «Ты должен был отказаться! Ты не можешь быть руководителем!» — «Я пытался, но Шепилов сказал: «Вас назначил сам товарищ Сталин». То была трагическая ночь. А дальше — съезд. Я в жизни никогда не выступал, двух слов связать не мог. А тут доклад надо было делать о советской музыке, которую я совершенно не знал. Но напрасно я волновался, в ЦК уже был написан «мой» доклад. Я знаю, кто их сочинял. Последний человек умер в прошлом году, но я никогда не называл этих фамилий. Я все взял на себя, потому что я же читал. И оказался в ужасном положении. Арам Хачатурян, Ваню Мурадели — мои друзья. Шостакович, глубоко почитаемый мной композитор. Прокофьев для меня — бог в музыке. А я с трибуны съезда говорю: «Формализм крепко внедрился в сознание Шостаковича, Прокофьева и ряда других видных композиторов». Я не пытаюсь оправдать себя, я всегда старался как мог защитить своих товарищей. Кстати, уже через полтора года Шостакович получил Сталинскую премию, а потом и Прокофьев. Мы с Костей Симоновым и Сашей Фадеевым пробивали эти премии в комитете. А в 49-м Сталин лично позвонил Шостаковичу и попросил его съездить в Америку с Эренбургом и Симоновым.

— А потом вам как руководителю всей музыки пришлось ведь бороться и с космополитизмом?
— О, если бы вы только знали, как мои же коллеги буквально травили меня за мою «мягкость»! Мало того, что ежедневно в почтовый ящик подбрасывали карикатуры: я — на электрическом стуле, я — на висели-

це, я — с пропуском на кладбище. Но настоящий шок я испытал, когда меня пригласил в ЦК Суслов: «Вот, почитайте, кого вы защищаете». И показал письмо, в котором говорилось, что я нахожусь под влиянием евреев. Тут же была приведена схема воздействия на меня. От такого чудовищного давления со всех сторон я тяжело заболел. Не мог ходить без посторонней помощи. Впал в абсолютную апатию. Клара вывозила меня в парк, мы сидели на скамейке, я, как ребенок, клал ей голову на колени. Год не мог работать. Врач тогда сказал: «Да, голубчик, это первый звоночек с того света». Первый звоночек? У меня? А я еще и не жил. От этого мне стало еще хуже. Я вообще ужасно мнительный. Семнадцать дней не спал, начались галлюцинации, и я понял, что я здесь, в санатории «Барвиха», куда меня направили, просто умру. «Барвиха» тех лет напоминала зону, на каждом углу стояли энкаведэшники, и уехать оттуда было невозможно. Когда наконец Кларе разрешили меня навестить, я попросту сбежал оттуда. Вышел в пижаме провожать Клару, лег в машине на пол, она накрыла меня юбкой и увезла в Москву. Если бы не Клара, которая выхаживала меня целый год, я бы не выжил.

— Но даже после этого вы не перестали защищать своих коллег. Союз композиторов — единственный из творческих, где никого не арестовали и не расстреляли. Вы что, не боялись Сталина?

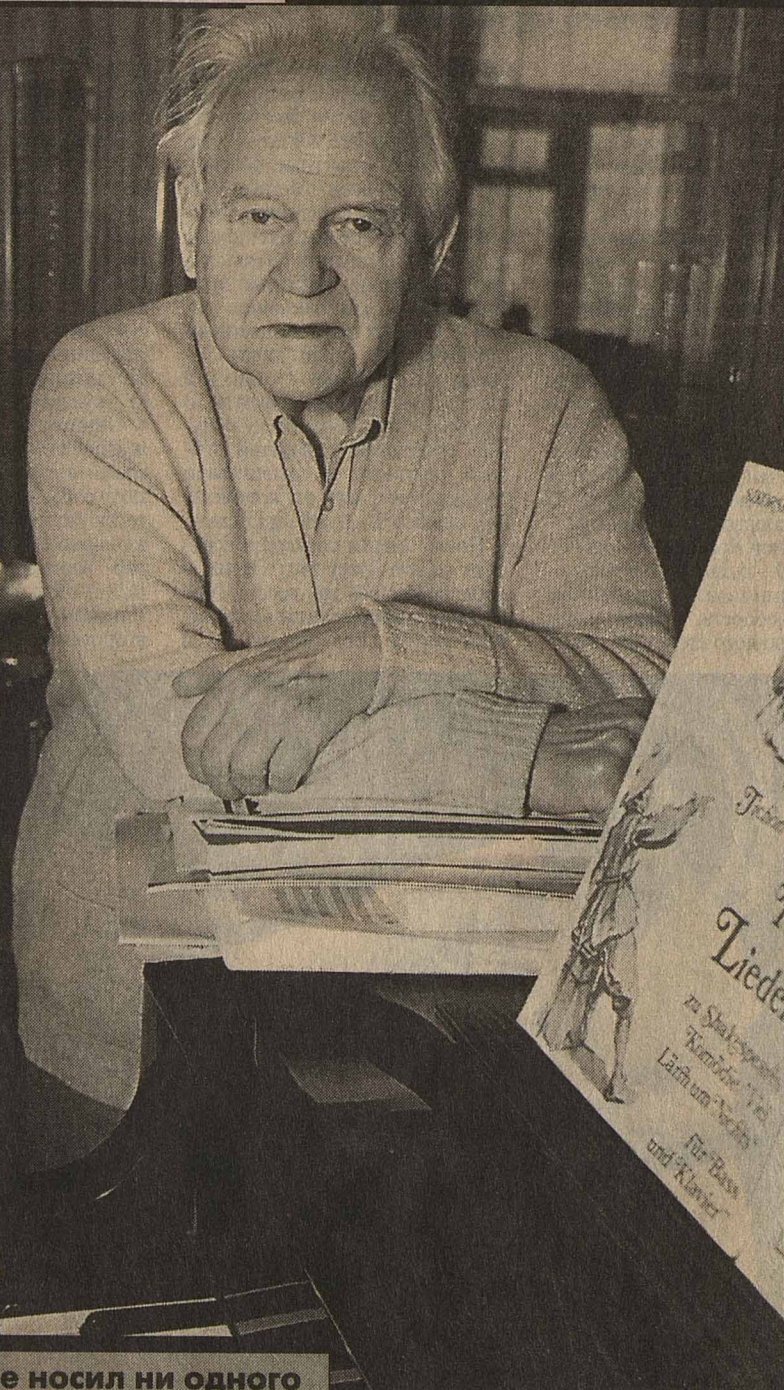
— Я жил с ощущением, что в нашей стране существует некая высшая справедливость. Еще больше я укрепился в этой вере, когда арестовали моего брата, но я сумел добиться открытого суда, а потом и его освобождения. Правда, другого брата мне спасти не удалось. Что же касается Союза композиторов... Сам-то Сталин от меня не требовал никакого компромата, у него достаточно было помощников. Тогда очень многое зависело от творческих характеристик, которые давали союзы. Я не написал ни одной отрицательной характеристики. Ни на кого. Был случай, когда ночью взяли двух композиторов. Я тут же написал в НКВД, и через три дня их освободили.

— И все-таки удивительно, что вам так легко все сходило с рук...

— Да просто Сталин знал и любил мою музыку. Мои фильмы. Конечно, ко мне было особое отношение, потому что он лично назначил меня на этот пост. Был, например, такой случай с Бетти Глан, директором ЦПКиО имени Горького. Муж у нее был венгерским коммунистом. Его расстреляли, а ее сослали. Она была великолепным организатором. Я слышал, что после отсидки Бетти появилась в Иванове. А мне нужен был в СК человек, который руководил бы пропагандой музыки. Лучшей кандидатуры, чем Бетти, быть не могло. Я поехал в Иваново и привез ее в Москву. Потом пошел к коменданту Москвы и добился, чтобы ее прописали. Какая-то сволочь увидела ее и донесла, что троцкисты разгуливают по Москве. Меня вызвали в ЦК: «Тихон Николаевич, только потому, что товарищ Сталин вас недавно назначил, мы вас не трогаем, но чтобы это было в последний раз». Бетти выслали из Москвы. Коменданта сняли. А меня всего лишь предупредили.

— А когда вы перестали возглавлять союз, отношение коллег к вам переменялось?

— К сожалению, очень. Изменились даже те, кого я считал своими близкими друзьями. Особенно когда началась перестройка. Люди, которым я сделал много добра, писали обо мне такие гадости! Меня называли сталинским комиссаром, а я, между прочим, не написал ни одной песни про Сталина. Шостакович писал, Прокофьев, Блантер, Хачатурян. Хотя как «первое лицо» должен, наверное, был подавать пример. А я на всю эту грязь просто не обращал внимания, сидел и работал. И появился балет «Наполеон Бонапарт». Кстати, в 95-м году на премьере этого балета во Дворце съездов ко мне подошел Владимир Васильев, восхищался музыкой и целовал мне руки. Я растерялся: мне еще никто руки не целовал. Тогда я тоже ему поцеловал руку. А на следующий день Васильев снял из репертуара Большого театра мой балет «Любовью за любовь», который шел 20 лет. Вот и ответ на ваш вопрос.

Екатерина НЕВЗОРОВА